

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.3.089

Л.М. ЛОПАТИН: ФИЛОСОФСКИЕ ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННОКОВ

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Цель статьи – рассмотреть философские портреты Вл. Соловьева, С.Н. Трубецкого и Н.Я. Грота глазами их современника и друга, русского философа Л.М. Лопатина. Выдвинута мысль о том, что философские портреты Лопатина интересны тем, что имеют две смысловые части: персональную и творческую. Первая часть представляет собой рассказ о семейном круге и друзьях, об образовании и первых литературных предпочтениях, сформировавших мировоззрение философа; вторая часть включает философскую рефлексию по поводу творчества и общественной деятельности каждого из мыслителей.

Ключевые слова: Л.М. Лопатин, Вл. Соловьев. С.Н. Трубецкой, Н.Я. Грот, философия, наука, университет, общественная деятельность.

Дискурсивная традиция публично высказаться в юбилейную дату имеет в среде ученых России давнюю историю и сохраняется в настоящее время [6]. Достаточно вспомнить как статьи о Ключевском, написанные его учениками и коллегами, собранные вместе в одном сборнике, слагаются, по сути, в коллективную рефлексию. Каждый автор (Н.А. Умов, М.К. Любавский, М.М. Богословский, Б.И. Сыромятников, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Ф. Кони, П.Н. Милоков и другие) показывают свой взгляд, что создает впечатление живого полотна научной и общественной деятельности Ключевского [2]. В этом ряду философские портреты Л.М. Лопатина – русского философа-персоналиста рубежа XIX–XX вв. – созвучны современности тем, что дают возможность представить традиции интеллектуальной жизни России сквозь призму людей, которые ее олицетворяли.

Цель статьи – рельефно продемонстрировать образы философов Вл. Соловьева, С.Н. Трубецкого и Н.Я. Грота, написанные академически корректным и в то же время добрым языком их современника и друга Льва Михайловича Лопатина (1855–1920).

Философский портрет Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900) по форме представлял собой публичное выступление Лопатина на заседании Психологического общества в память годовщины со смерти фило-

софа (2 февраля 1901 г.). Позже это выступление будет размещено в журнале «Вопросы философии и психологии». Обычно биографы Соловьева делят его жизнь и творчество на три периода: подготовительный, утопический и крушение идеи теократии (Е.Н. Трубецкой), – или четыре: те же фазы (теософия, теократия, теургия) плюс апокалиптическая (Д.Н. Стремоухов) [1, с. 457; 5, с. 122]. Лопатин в своей реконструкции образа Соловьева говорит о двух периодах: время формирования нескольких «корней» будущего мировоззрения и время творческой и общественной деятельности. «Чтобы вполне понять и оценить значение какого-нибудь философа, нужно знать ту среду, в которой он вырос, и ту духовную атмосферу, в которой он работал», – очерчивает свою позицию Лопатин [4, с. 108].

Какова была умственная жизнь русского общества, когда у Соловьева впервые проявился интерес к философскому знанию? Этим вопросом Лопатин задается в начале своей характеристики. И ответ его выглядит следующим образом. К моменту взросления Соловьева философия [как дисциплина, развивающая свободу мысли. – *Е.М.*] была исключена на довольно продолжительное время из программ университетов. В связи с этим, ею мало интересовались и, тем более, плохо понимали. В русском обществе задачи философии стали ограничиваться материалистическими и позитивистскими рамками мышления. Увлечение материалистическими постулатами стало буквально повальным. Ширилось так же и позитивистское движение мысли с его дихотомией «умозрительность/фактологичность». В итоге, в российском обществе сложились две группы образованных людей: те, кто успел овладеть философским знанием в России до его изъятия из учебных планов министерства народного просвещения или в университетах Германии, и те, кто изучал философию с политехническим уклоном во Франции. Первые пытались рецепировать традиции философии немецкого идеализма в новые потребности науки (материалисты); вторые отрицали спекулятивную философию и единственным свидетельством достоверного знания считали положительную науку (позитивисты).

Неудивительно, что Соловьев испытал искус всех новых направлений передовой мысли русского общества 60-х гг. XIX в. Лопатин рисует рельефный портрет 15-летнего Соловьева с «умом глубоким» и «редкой отзывчивостью на духовные интересы окружающих его людей». Перед читателем предстают сразу четыре образа юного Соловьева. Соловьев-материалист: он считает, что в этом учении кроется новая истина, способная вытеснить устаревшие представления и создать разумную жизнь. Соловьев-нигилист: вслед за Д.И. Писаревым он подвергает критике высокую поэзию как бесполезную для практической жизни. Соловьев-позитивист: он верит, что теория Ч. Дарвина может положить конец всяким умозрительным предрассудкам. Соловьев-социалист: он убежден, что социалистическое движение может коренным образом обновить историю [4, с. 109]. В скором времени, считает Лопатин, Соловьев преодолел крайности своих юношеских увлечений: «Его ум был слишком глубок, в нем было слишком много критического

такта, наконец, в его натуре просто было слишком много внутреннего идеализма, душевной поэзии, религиозного энтузиазма...» [4, с. 110]. Схожую мысль высказывает и Зеньковский в своей работе «История русской философии», говоря о том, что Соловьев совершил довольно быстрый переход от детской религиозности к атеизму и далее через мировоззренческое отрезвление – к религиозной вере [1, с. 453].

Первый период жизни Соловьева, на взгляд Лопатина, завершился тем, что он не просто освободился от юношеских мировоззренческих пристрастий, но и смог дать им критическую оценку. Вслед за Дж.Ст. Миллем, благодаря сочинениям которого у Соловьева развился тонкий и своеобразный скептицизм, будущий мистико-идеалистический философ осознал, что в материалистическом практицизме «не всё благополучно», что реальность вещества дана сознанию человека не напрямую, а только через психические представления. Материалистическое философское направление стало выглядеть в его глазах «логически незаконным смешением несостоятельных умозрительных предположений и неправильно вынесенных за свои естественные границы эмпирических обобщений» [4, с. 135]. Позже к Соловьеву пришло и разочарование в позитивизме, что постепенно вылилось в устойчивую критику как реализма, так и отвлеченного рационализма [4, с. 111, 118].

Лопатину удалось довольно подробно нарисовать «эпизоды» умственного роста Соловьева, раскрывающие процесс формирования его философского мирозерцания. Среди имен мыслителей перечисляются: И. Кант (вопрос о свободе воли); Г. Гегель (диалектический характер философского знания); А. Шопенгауэр (жизнь как нравственный очистительный процесс); Эд. Гартман (феномен бессознательного), Ф. Шеллинг (примирение крайних точек зрения Гегеля и Шопенгауэра); Я. Бёме (протестантская софиология) [4, с. 67, 111]. Отмечая концепции, питавшие мировоззрение Соловьева, Лопатин считает, что он пошел дальше немецких классиков и позитивистов. Он выделяет несколько обстоятельств, благодаря которым выстроилась оригинальная система Соловьева: во-первых, более позднее, а следовательно, более зрелое вхождение автора в сферу философии; во-вторых, его способность критически мыслить и освобождаться от иллюзий, свойственных предшественникам; в-третьих, его готовность отвечать на запросы общественного самосознания и использовать достижения науки. Примером того, насколько Соловьев оказался глубоким интерпретатором своих предшественников, может послужить теория о свободе воли, родоначальником которой был Кант. Суть ее заключалась в том, что обязательность и свобода не исключают друг друга, что воля субъекта является подлинным основанием долженствования. По мнению Лопатина, Соловьев критически переоценил эту теорию в своей работе «Критика отвлеченных начал», утверждая, что частные идеи, понимаемые вне целого, утрачивают свой истинный характер [3, с. 331].

Анализируя русскую философскую мысль XIX века, Лопатин отмечает, что долгое время она была лишена самостоятельности, что многие исследователи оставались лишь грамотными систематизаторами немецкой классической философии или английского позитивизма. Только Соловьев, на взгляд Лопатина, оказался первым независимым философом в России: «Соловьев начал первый писать не о чужих мнениях по вопросам философии, а о самих этих вопросах, и стал их решать по существу, независимо от всяких мнений, – через это он сделался первым представителем уже не отраженной иностранной, а настоящей русской философской мысли» [4, с. 112]. Общий смысл философской системы Соловьева Лопатин представил в трех главных, на его взгляд, тезисах: все существующее обладает внутренней духовностью; в основе бытия лежит абсолютное всеединство; мир есть воплощение идеи Богочеловечества [4, с. 117]. Зеньковский цитирует в своей «Истории русской философии» слова Лопатина: «Я страшно много обязан Соловьеву, и нравственно, и умственно» [1, с. 613].

Завершая философский портрет своего современника и друга, Лопатин признается, что система Соловьева не лишена противоречий и требует глубокой интерпретации. В частности, в вопросе о противостоянии секуляризма и религиозного понимания мира, несмотря на дружбу, сам Лопатин занял позицию «философской нейтральности». Хотя эта нейтральность выглядела скорее, как академическая корректность, нежели равнодушное отношение к вопросу о том, как мыслить: с Церковью? без нее? против нее? [1, с. 451]. Кроме того, Лопатин критиковал Соловьева за то, что тот «отрицал данные в опыте я» [5, с. 211]. Разночтения не помешали ему говорить, что «бессмертная заслуга» Соловьева состоит в том, что он указал, в каком направлении следует искать истину – горячо исповедовать ее в форме религиозной философии.

В отличие от философского портрета Соловьева, репродукция жизни и творчества Сергея Николаевича Трубецкого (1862–1905) изначально планировалась как научная статья. Поэтому этот философский портрет отличается и объемом, и содержанием. По форме это большая статья на шестьдесят страниц, по содержанию она имеет две смысловые части: семейный круг будущего философа и анализ его работ, в частности «О природе человеческого сознания» и «Основания идеализма».

Как и в случае с Соловьевым, портрет Трубецкого начинается с погружения читателя в семейный круг. Именно в традициях семьи будущий философ приобрел такие важные гуманистические качества, как «благородную доверчивость к людям» и «твердость в дружбе» [4, с. 137]. Будучи на девять лет моложе Соловьева, князь Трубецкой испытал схожую юношескую диалектику мысли. Чтение В.Г. Белинского, Г. Бокля, Г. Спенсера, Ч. Дарвина изначально подпитывало чувство религиозного отрицания, формировало мировоззрение с элементами эмпиризма, материализма и нигилизма. Но дальнейшие занятия философией постепенно помогли освободи-

дится от ранних его увлечений. Идеино-теоретические рассуждения славянофилов «вернули» молодого Трубецкого в пространство христианской веры, а сочинения Канта пробудили интерес к метафизическим проблемам бытия и познания. Так, в статье князя Трубецкого «О природе человеческого сознания» Лопатин отчетливо распознает концепцию соборности А.С. Хомякого и И.В. Киреевского. Как и его идейные предшественники, Трубецкой говорит о значении личностного начала в истории христианской философии и роли личного сознания в усвоении веры. В этом смысле западное общество испытало культурную драму, изменив началу христианской соборности в противовес принципу личной мысли и, соответственно, личного произвола. В итоге, говорит Трубецкой устами Лопатина: «Этот принцип личной мысли, личного убеждения, личного рассуждения и исследования предопределил судьбу новой европейской философии» [4, с. 147]. В дальнейшем Трубецкой, как и Соловьев, разоидется со славянофилами по целому ряду вопросов – церковных, исторических, политических, но останется до самого конца с ними на почве вопросов о природе и условиях человеческого знания. «И Соловьев, и Трубецкой были горячо убеждены, что настоящее знание зиждется на гармоническом сочетании опыта, разума и веры», – пишет Лопатин [4, с. 148].

Что касается Канта, то Трубецкой взял из его философии постулат о том, что чувственные восприятия человека предполагают некоторые универсальные данные, которые не могут быть познаны извне, посредством опыта. Однако он пошел дальше [и это крайне импонирует взглядам Лопатина, он постоянно по тексту это подчеркивает. – *Е.М.*] и стал отстаивать принцип субъективного идеализма. «Если никакого сознания, кроме субъективного (т. е. личного, индивидуального, человеческого или человекообразного) нет, то все, что предшествует субъективному сознанию и обосновывает его, тем самым должно быть бессознательным», – считает Трубецкой [4, с. 157].

В этом фрагменте чувствуется, как взгляды самого Лопатина о взаимосвязи сознающего и познаваемого перекликаются с позицией Трубецкого. В своем сочинении «Положительные задачи философии. Закон причинной связи как основа умозрительного знания действительности» (1886; 1891) Лопатин пишет о многих версиях соборности сознания, но в первую очередь, о взаимодействии субъекта с объектом: «Чтобы акт сознания состоялся, нужно возбуждение сознающего центра, как действие извне, – нужно далее усвоение этого возбуждения, как действия, идущего изнутри» [3, с. 346]. Иными словами, любой фрагмент действительности имеет внутреннее, субъективное существование, которое лежит в основе его внешних проявлений и свойств. Это касается и нравственной сферы. Потенциальная соборность сознания должна представлять собой общий напряженный интерес ко всему, что касается личности, погруженной в повседневную жизнь.

Философский портрет Николая Яковлевича Грота (1852–1899) по объему выглядит самым лаконичным из трех, представленных в данной статье. Однако и здесь сохраняется сюжетная канва, избранная Лопатиным для рефлексии по поводу той или иной персоны. В первой части речь идет о семейном круге, образовании и друзьях, во второй – о творчестве и общественной деятельности. Грот родился в высокообразованной семье, дом его родителей собирал видных представителей литературы и науки в Петербурге. Еще будучи студентом, Грот познакомился в частной домашней обстановке с К.Д. Кавелиным. Несмотря на почти двадцатилетнюю разницу в возрасте, студент и профессор сдружились. В это время Кавелин вел публичную полемику с И.М. Сеченовым, в которой Грот встал на сторону последнего. По мнению Лопатина, маститый Кавелин интересовался аргументами своего молодого друга и внимательно к ним прислушивался [4, с. 207].

Литературная и философская деятельность Грота началась рано и, по оценке Лопатина, оказалась плодотворной. Особым образом он выделяет научные труды Грота, которые отразили начальную динамику его философского мирозерцания, в частности «К вопросу о реформе логики, опыт новой теории умственных процессов», «Отношение философии к науке и искусству», «Опыт нового определения понятия прогресса» и др. Далее Лопатин отмечает работы уже зрелого Грота, такие как «Значение чувства в познании и деятельности человека», «Нравственные идеалы нашего времени – Фридрих Ницше и Лев Толстой», «О времени» и др. [4, с. 208]. Работу Грота «Критика понятия свободы воли в связи с понятием причинности» (1889) Лопатин именует «превосходной статьей», раскрывающей метафизическое значение проблемы свободы [3, с. 322]. «Свобода человека состоит в открытой всегда для нашего внутреннего я возможности или отдаться побуждениям нашей животной, эгоистической личности, или покориться внушениям высшей силы в нас», – так интерпретирует Лопатин постановку проблемы выбора у Грота.

Природная доброта, умение объединять незнакомых людей и делать их единомышленниками, впечатлительность и изменчивость в увлечениях – все эти личностные качества Грота повлияли на особенность его мыслительной деятельности. По этому поводу Лопатин высказывается так: «Как в каждом встречном человеческом мнении он старался отыскать скрывающуюся в нем крупицу правды, так и в каждом философском учении он стремился выделить содержащееся в нем зерно истины» [4, с. 209]. Лопатин выделяет два этапа «философского роста» Грота: позитивистский и идеалистический, считая, что он, по сути, поймал обе волны интеллектуальных увлечений русского общества. В университете и в начале философской деятельности Гроту, как и всей молодежи, импонировали труды английских позитивистов. Во многом под влиянием Спенсера, а также Кавелина, Грот сосредоточил свое внимание на психологии, в частности на теории «психического оборота». В своих статьях этого периода жизни он пытался уйти от метафизики: распредмечивал философию как особую науку, выделяя из нее

логику и этику. Оценивая воззрения Грота этого периода, Лопатин говорит, что, в отличие от дальнейших исканий, они представляют собой законченное и систематическое выражение [4, с. 210]. Как Соловьев и Трубецкой, Грот начинает постепенно переосмысливать свои антиумозрительные взгляды и выступать против крайностей позитивизма и реализма. Он приходит к убеждению, что философия должна занимать особое положение среди других проявлений духовного творчества. «Философия не искусство и не наука, – она должна представлять всеобъемлющий синтез всех данных сознания: она есть чувство всемирной жизни, переведенное в отчетливые понятия об истинно существующем в его идеальных нормах», – так видит Лопатин ключевое суждение Грота во второй точке его мировоззренческого роста [4, с. 211].

Лопатин признается, как трудно дать беспристрастную оценку философской деятельности своего современника. Должно пройти время, чтобы много разнообразных и противоречивых отзывов и мнений лишились субъективного флера. Но одно остается для него бесспорным – для всех троих его друзей было характерным то, что «они жили, как верили, а вера их была высокая и вдохновляющая» [4, с. 197].

Если собрать все суждения Лопатина воедино, то в структуре его философских портретов виден общий дискурсивный прием. Для анализа он берет два периода жизни персонажа: время становления мировоззрения (семейный круг, образование, друзья, события биографии) и время философского творчества, взаимосвязанного с общественной деятельностью (сочинения, публицистика, издание журналов). Надо отметить личностный нюанс Лопатина. Во всех случаях стимулом для написания статей ему послужили схожие факторы: три философских портрета написаны в память о ранней кончине друзей [Соловьев умер в 47 лет, Трубецкой в 43 года, Грот в 47 лет. – *Е.М.*] и с желанием поделиться личными впечатлениями о творчестве и об общественной пользе их деятельности.

В заключение можно отметить, что в философских портретах Лопатина видны отличия и сходства всех персонажей. Отличие состоит в том, что Соловьев и Трубецкой для Лопатина – это создатели собственной философской системы, а Грот – скорее исследователь, стремящийся гармонизировать крайние тенденции различных философских школ. Общим является то, что все они были талантливыми популяризаторами своих идей. Соловьев демонстрировал свои взгляды мистика и метафизика в философской и публицистической литературе, открыто выступил против смертной казни; С.Н. Трубецкой создал Историко-филологическое общество и в качестве ректора боролся за автономию Московского университета; Грот превратил Московское психологическое общество в один из популярных центров российского просвещения, издавая журнал «Вопросы философии и психологии».

Список литературы

1. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.

2. Ключевский В.О. Характеристики и воспоминания. М.: Научное слово, 1912. 217 с.
3. Лопатин Л.М. Положительные задачи философии. Закон причинной связи как основа умозрительного знания действительности. М.: ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
4. Лопатин Л.М. Философские характеристики и речи / вступ. ст. проф. В.В. Зеньковского; послесл. проф. В.В. Рубцов, А.Д. Червяков. М.: ИЦ «Academia», 1995. 328 с.
5. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Академический проспект, 2007. 551 с.
6. Малинов А.В., Рыбас А.Е. Юбилей И.Д. Осипова // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2018. № 3. С. 127–130.

**L.M. LOPATIN:
PHILOSOPHICAL PORTRAITS OF CONTEMPORARY**

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The purpose of the article is to consider the philosophical portraits of Vl. Solovieva, S.N. Trubetskoy and N.Ya. Grot through the eyes of their contemporary and friend, the Russian philosopher L.M. Lopatin. The idea is put forward that the philosophical portraits of L.M. Lopatin are interesting because they have two semantic parts: personal and creative. The first part is a story about the family circle and friends, about education and the first literary preferences that shaped the philosopher's worldview; the second part includes a philosophical reflection on the creativity and social activities of each of the thinkers.

Keywords: *L.M. Lopatin, Vl. Solovyov, S.N. Trubetskoy, N.Ya. Grotto, philosophy, science, university, social activities.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии, истории и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.09.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2023.